

MUST READ
КЛАССИКА О ЛЮБВИ ДЛЯ ДЕВУШЕК

ВИКТОР ГЮГО

*Собрание
Парижской
Богородицы*

МОСКВА

2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Victor Hugo
NOTRE-DAME DE PARIS

Иллюстрация на обложке *Виктории Тимофеевой*

Гюго, Виктор.

Г99 Собор Парижской Богоматери : роман / Виктор Гюго ; [пер. с фр. Э.К. Пименова]. — Москва: Эксмо, 2016. — 608 с. — (Must read. Классика о любви для девушек).

ISBN 978-5-699-87424-8

«Собор Парижской Богоматери» — один из величайших романов не только французской, но и мировой литературы. История беззаветной любви горбуна Квазимодо к юной цыганке Эсмеральде. Не созданные быть вместе, но связанные трагической судьбой, смогут ли они обрести свое счастье на этой земле или будут навсегда разлучены?

Книги серии «MUST READ. Классика о любви для девушек» — твой проводник в мир прекрасной литературы! Вдохновляйся истинными шедеврами!

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-87424-8

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Предисловие автора

несколько лет тому назад автор этой книги, осматривая собор Парижской Богоматери, или, вернее, обшаривая все его закоулки, нашел в темном углу одной из башен следующее слово, начертанное на стене:

‘ΑΝΑΓΚΗ¹

Эти греческие прописные буквы, почерневшие от времени и глубоко врезавшиеся в камень, некоторые особенности готической каллиграфии, выразившиеся в написании и расположении букв и свидетельствовавшие о том, что слово это было начертано в Средние века, а главное — мрачный и роковой смысл этого слова, поразили автора.

Он задался вопросом и попытался представить себе, кем был тот человек, который, прежде чем покинуть этот мир, захотел запечатлеть таким образом на стенах древней церкви знак пережитых страданий или совершенного преступления.

С тех пор надпись эту успели замазать штукатуркой или выскоблить — уж не знаю, каким из двух способов ее уничтожили. Вот уже без малого двести лет, как такая участь постигает все дивные церкви Средних веков. Их увечат со всех

---

¹ ΑΝΑΓΚΗ — рок (греч.).

Виктор Гюго

сторон, — и снаружи, и изнутри. Священник замазывает их краской, архитектор скоблит, а там приходит очередь народной волны, которая и вовсе разрушает их.

Итак, от таинственного слова, кем-то начертанного на стене мрачной башни собора, и от неведомой жизни, смысл которой был выражен в этом скорбном намеке, не осталось ничего, кроме того зыбкого воспоминания, которое и посвящает им автор в этой книге. Человек, написавший это слово, покинул мир живых много веков тому назад, как и исчезло со стены собора и само слово, а скоро, быть может, и собор этот исчезнет с лица земли.

Книга эта обязана своим появлением этому единственному слову.

Март 1831

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

БОЛЬШОЙ ЗАЛ

риста сорок восемь лет, шесть месяцев и девятнадцать дней тому назад¹ парижан разбудил громкий перезвон всех колоколов Ситэ, Нового города и Университетских кварталов².

А между тем этот день, 6 января 1482 года, не принадлежал к числу тех, о которых могла бы сохраниться память в истории. Ничего особенно примечательного не было в событии, так взволновавшем парижских горожан и заставившем с утра звонить все колокола. На город не шли приступом пикардийцы или бургундцы, по улицам не шествовала процессия с мощами, не бунтовали школяры³, не было ни въезда «нашего грозного господина и повелителя короля», ни казни через повешение по приговору Парижского суда воров и воровок, ни прибытия какого-нибудь блистательного живописного посольства, что случалось так часто в XV веке.

---

¹ Роман написан в 1830 г.

² Название Ситэ носила древнейшая часть города, построенная на острове, образуемом двумя рукавами Сены. Университетский квартал (теперь Латинский квартал), в котором сосредоточивались школы и коллежи и который образовал своего рода самостоятельный город, находился на левом берегу Сены, а Новый город — на правом берегу.

³ Школяры — студенты, учащиеся.

Всего лишь два дня тому назад прибыло в Париж одно из таких посольств, состоящее из фламандских послов, с поручением устроить брак между дофином и Маргаритой Фландрской, к великой досаде кардинала Бурбонского, который, в угоду королю, должен был оказать любезный прием этим неотесанным фламандским бургомистрам и угощать их в своем Бурбонском дворце представлением «весьма прекрасной моралите¹, шуточной сатиры и фарса», в то время как проливной дождь поливал его великолепные ковры, растеленные у входа во дворец. А причиной волнения парижан в день 6 января явилось двойное празднество, объединившее с незапамятных времен праздник Крещения и праздник шутов.

В этот день предполагались иллюминация на Гревской площади, игры вокруг разукрашенного майского дерева у Бракской часовни и мистерия во Дворце правосудия.

Об этом провозгласили накануне на всех перекрестках под звуки труб глашатаи господина прево в нарядных мундирах из лилового камлота с большими белыми крестами на груди.

А потому дома и лавки были заперты в этот день, и толпы горожан и горожанок направились с самого утра по трем разным направлениям, выбирая то, что каждому приходилось по вкусу. Одни шли на Гревскую площадь, другие — к часовне, третьи — смотреть мистерию. И нужно отдать должное здравому смыслу тогдашних парижан: большинство из них предпочли иллюминацию, более уместную в это время года, и мистерию, которая должна была разыгрываться в теплом помещении Дворца правосудия. Бедное майское дерево могло привлечь лишь немногих, и ему пришлось одиноко дрожать под холодным январским небом на кладбище у часовни Святого Брака.

---

¹ Моралите — пьесы назидательного, часто религиозного характера.

Собор Парижской Богоматери

Особенно много народу стекалось по улицам, ведущим к Дворцу правосудия, так как было известно, что прибывшие два дня тому назад фламандские послы будут присутствовать на представлении мистерии и при избрании папы шутов, которое тоже должно было происходить в большом зале Дворца.

Нелегко было попасть в этот зал, считавшийся самым большим из закрытых помещений на свете. (Соваль в то время еще не обмерил залы в замке Монтаржи.)

Запруженная народом площадь перед Дворцом правосудия казалась тем, кто смотрел на нее из окон, волнующимся морем, куда пять или шесть улиц изливали каждую минуту, подобно рекам, новые потоки людей. И эти людские волны, все возрастая, разбивались об углы домов, выступавших в этом море то тут, то там подобно мысам в неровных очертаниях площади.

В центре высокого готического¹ фасада Дворца правосудия по большой лестнице непрерывно поднимались и спускались потоки людей; разделившись на верхней площадке, они разливались широкими волнами по двум боковым спускам. Эта большая лестница была похожа на водопад, низвергающийся в озеро. От криков, смеха, топота тысяч ног над площадью стояли страшный шум и гул. Временами этот шум усиливался еще больше, и течение, несшее всю эту толпу к лестнице, внезапно поворачивало назад, создавая водоворот. Это происходило тогда, когда городской страж начинал орудовать ружейным прикладом или конный сержант осаживал толпу. Такой странный способ водворения порядка сохранялся по традиции, за-

---

¹ Определение «готический» в том значении, в каком его обычно употребляют, хотя и не точно, но принято всеми. Мы, как и все, используем его, чтобы охарактеризовать стиль архитектуры второй половины Средних веков, в котором стрельчатый свод является таким же отличительным признаком, как в предшествовавшем ему периоде полукруглый.

вещанной коннетаблям старшинами города, от них перешел по наследству к конной страже, а затем и к теперешней жандармерии Парижа.

У дверей и окон, на крышах, на чердаках — всюду толпились тысячи добродушных, мирных горожан, глазевших то на Дворец, то на людское море и не желавших ничего больше. Многие парижане вполне довольствуются тем, что смотрят на других зрителей, и даже стена, за которой происходит что-либо, уже представляет для них интерес.

Если бы мы, живущие в 1830 году, могли каким-либо образом попасть вместе с парижанами XV века в громадный зал Дворца, оказавшийся, однако, слишком тесным 6 января 1482 года, то открывшееся перед нами зрелище, наверное, заинтересовало и даже очаровало бы нас, а окружающая старинная обстановка произвела бы на нас впечатление новизны.

Если читатель ничего не имеет против, мы попробуем воспроизвести хотя бы мысленно то впечатление, которое он испытал бы вместе с нами, переступив порог большого зала и оказавшись в шумной пестрой толпе...

Прежде всего мы были бы оглушены шумом и ослеплены роскошью и блеском. Вверху, над нашими головами — двойной стрельчатый бледно-голубой свод, украшенный деревянной резьбой и усеянный золотыми лилиями; под ногами — черные и белые мраморные плиты пола. В нескольких шагах от нас — громадная колонна, потом другая, третья. Семь колонн по всей длине зала, поддерживающих свод.

У подножия первых четырех колонн — лавочки торговцев, сверкающие стеклянными поделками и разными побрякушками; около трех других — дубовые скамьи, уже послужившие на своем веку, гладко отполированные одеждой участников тяжб и мантиями прокуроров. По всему залу, вдоль высоких стен, между колоннами и в простенках между дверями и окнами — бесконечная череда статуй фран-

Собор Парижской Богоматери

цузских королей начиная с Фарамонда. Здесь и бесславные короли с повисшими вдоль тел руками и опущенными глазами, и мужественные, воинственные короли с воздетыми к небесам лицами и руками. В высоких стрельчатых окнах — мозаические стекла множества цветов, великолепные двери украшены тонкой резьбой. И все это — свод, колонны, стены, наличники окон, карнизы, двери, статуи — дивного голубого цвета с золотом. В то время, о котором мы говорим, краска уже несколько потускнела, а в 1549 году она совсем исчезла под пылью и паутиной, и дю Брель восхищался ею, не желая нарушить традицию.

Теперь представьте себе этот громадный длинный зал, освещенный бледным светом январского дня, и заполнившую его шумную разношерстную толпу, которая теснится вдоль стен и колонн, и вы получите некое смутное представление о той картине, которую мы попытаемся обрисовать подробнее.

Если бы Равальяк не убил Генриха IV, то его не привлекли бы к суду, в канцелярии Дворца не хранились бы документы по его делу, не было бы и его сообщников, заинтересованных в исчезновении этих документов, а следовательно, не было бы и поджигателей, которым пришлось, за неимением лучшей возможности, сжечь канцелярию, чтобы уничтожить документы, и сжечь сам Дворец правосудия, чтобы уничтожить канцелярию. Тогда не было бы и пожара 1618 года. Старинный дворец с залом сохранился бы до сих пор, и я мог бы сказать читателю: «Идите и посмотрите на большой зал». И мне не пришлось бы описывать его, а читателю — читать это посредственное описание. Все это служит доказательством новой истины, что великие события имеют непредвиденные последствия.

Возможно, конечно, что у Равальяка не было сообщников, а если он и имел их, то они могли быть и неповинны в пожаре 1618 года. Существует, впрочем, еще два весьма вероятных

предположения. Во-первых, все знают, что 7 марта после полуночи большая пылающая звезда шириною в фут, длиною в локоть упала с неба на Дворец правосудия. Во-вторых, существует следующее четверостишие Теофиля:

Плохая шутка то была,
Когда богиня правосудья,
Отведав пряностей сполна¹,
Себе все небо обожгла.

Но как бы мы ни рассматривали эти три толкования — политическое, природное и поэтическое, — печальный факт пожара Дворца правосудия в 1618 году остается неизменным. По милости этой катастрофы, а в особенности по милости последовавших затем попыток реставрировать здание и погубивших то, что пощадил огонь, в настоящее время не осталось почти ничего от этого первого дворца французских королей. Он был древнее Лувра и уже в царствование Филиппа Красивого считался таким старинным, что в нем находили много общего с великолепными постройками, воздвигнутыми королем Робертом и описанными Гельгальдусом. И почти все исчезло. Что случилось с кабинетом, где Людовик Святой «скрепил свой брак»? С садом, где он, «одетый в камлотовое платье, безрукавку из грубого сукна и черный плащ», решал дела, возлежав на коврах вместе с Жуанвилем? Где комнаты императора Сигизмунда, Карла IV, Иоанна Безземельного? Где лестница, с которой Карл VI провозгласил свой эдикт о помиловании? Где комнатная плита, на которой Марсель в присутствии дофина зарезал Робера Клермонского и маршала Шампанского? Ворота, возле которых были разорваны буллы антипапы Бенедикта и через которые вывели посланников, доставивших буллы, наряженных в насмешку в епископские мантии и митры и принужденных пу-

¹ Зд. игра слов: *épice* — по-фр. «взятка» и «пряности»; *palais* — «дворец» и «небо».

Собор Парижской Богоматери

блично каяться на всех перекрестках Парижа? Где большой зал с его лазурью и позолотой, его статуями, колоннами, со стрельчатым сводом, украшенным тонкой резьбой? А позолоченная комната? А каменный лев около дверей, с опущенной головой и поджатым хвостом, подобно львам у Соломонова трона, как символ исполнительной власти, смиренно склоняющейся перед правосудием? А великолепные двери и цветные оконные стекла? А чеканка по металлу, приводившая в завистливое отчаяние Бикорнета? А изящная резьба дю Ганси?.. Что сделало время, что сделали люди со всеми этими чудесами? И что дали нам взамен этой истории галлов, этого готического стиля? Тяжелые полукруглые своды господина де Броса, этого неловкого архитектора, построившего портал Сен-Жерве, — вот что мы получили взамен искусства, а что касается истории — многословные воспоминания болтливового господина Патрю о главной колонне. Нельзя сказать, чтобы это было много.

Но вернемся к подлинному большому залу подлинного старого дворца.

Оба конца этого гигантского параллелограмма были заняты: один — знаменитым мраморным столом из цельной глыбы, такой длинной и массивной, что, судя по старинным описям, она была способна возбудить аппетит у Гаргантюа, потому что «другого такого толстого куска мрамора на свете не бывало», другой — часовней, в которую Людовик XI велел поставить свою коленопреклоненную перед Пречистой Девой статую и перенести статуи Карла Великого и Людовика Святого, несколько не заботясь о том, что в ряду королевских статуй останутся пустыми две ниши. Этим двум святым он приписывал большую силу на небесах. Эта часовня, совсем новая, выстроенная всего около шести лет тому назад, была того изящного, прелестного архитектурного стиля с чудными скульптурными украшениями, тонкой резьбой и изящной чеканкой, который завершает готическую эру,

но продолжается до середины XVI века в волшебных, причудливых созданиях эпохи Возрождения. Небольшая ажурная розетка над входом необыкновенно изящной и тонкой работы была в своем роде замечательным произведением искусства. Она казалась сотканной из кружева звездой.

Посреди зала, напротив главного входа, примыкало к стене обтянутое золотой парчой возвышение с отдельным ходом, проделанным через окно коридора, смежного с золоченой комнатой. Возвышение это было предназначено для фламандских послов и других знатных особ, приглашенных на представление мистерии.

Мистерия по издавна установившемуся обычаю должна была разыгрываться на мраморной площадке. Все было приготовлено с самого утра. На великолепной мраморной плите, исцарапанной каблуками судебных писцов, стояла высокая деревянная клеть. Верхняя ее площадка, хорошо видная всем зрителям, должна была служить сценой, а внутренняя часть, занавешенная коврами, — уборной для актеров. Лестница, без затей приставленная к клетке снаружи, предназначалась для сообщения сцены с уборной, и по ней должны были подниматься и спускаться актеры. Как ни внезапно должно было появиться какое-нибудь действующее лицо, ему все-таки приходилось взбираться по этой лестнице, и каким неожиданным ни предполагался какой-нибудь сценический эффект — нельзя было обойтись без этих ступенек. Невинное и благородное детство искусства и механики!

Четыре сержанта, состоящие в распоряжении суда, обязанные наблюдать за порядком как во время народных развлечений и в дни празднеств, так и в дни казней, стояли по четырем углам мраморной площадки.

Представление должно было начаться ровно в двенадцать часов с последним ударом больших дворцовых часов. Это было, конечно, очень поздно для театрального представления, но делать нечего — приходилось сообразовать-

Собор Парижской Богоматери

ся со временем, когда обещали пожаловать фламандские послы.

Между тем вся эта толпа, теснившаяся в зале, находилась здесь с раннего утра. Многие пришли на площадь, как только занялась заря, и терпеливо стояли там, дрожа от холода, а были и такие любители, которые провели всю ночь, лежа поперек входных дверей, чтобы наверняка войти первыми. Толпа увеличивалась с каждой минутой и, как река, выступившая из берегов, возвышалась у стен, вздымалась около колонн и разливалась по карнизам, подоконникам, выступам и всем выпуклостям скульптурных украшений.

От давки, скуки, нетерпения, свободы праздничного дня, ссор, разгоравшихся по каждому пустяку: от тычка локтя или пинка подбитого гвоздями башмака, — в криках этого стиснутого, запертого, задыхавшегося народа начало звучать раздражение еще задолго до прибытия послов. Все жаловались и проклинали все на свете: фламандцев, старшину купеческого сословия, кардинала Бурбонского, судью, Маргариту Австрийскую, сержантов с жезлами, холод, жару, дурную погоду, парижского епископа, папу шутов, колонны, статуи, вот эту запертую дверь, вон то открытое окно! Все это очень забавляло рассеянных среди толпы школяров, которые старались еще больше подзадорить недовольных, раздражая их, как булавками, своими язвительными остроумиями и насмешками.

Особенно отличалась одна группа веселых забияк, которые, выставив оконную раму, бесстрашно уселись на подоконник и оттуда осыпали насмешками попеременно то толпу на площади, то толпу в зале. По их оживленным жестам, звонкому хохоту, по тому, как весело перекликались они через весь зал с товарищами, видно было, что эти молодые люди не скучают, как остальная публика. Их, по-видимому, очень занимало зрелище у них перед глазами, и они развлекались в ожидании другого.